

Дойвбер Левин

ФЕДЬКА

RUGRAM

Москва

2023

Издатель Иванов В. Ю.

УДК 821.161.1

ББК 84.4

Л36

Левин Д.

Л36 «Федька»:[повесть]; «Вольные штаты Славичи»[повесть];
«Полет герр Думкофа»[рассказ]; сборник / Дойвбер Левин.
— М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 306
с. — (Русский приключенческий роман).

ISBN 978-5-521-91539-2

Сборник приключенческих произведений, яркого и недооцененного прозаика Дойвбера Левина.

«Федька», повесть про мальчика, оставшегося без убитого белогвардейцами в гражданскую войну отца. Осиротевший Федька становится сыном полка буденновцев, учит грамоту и военную дисциплину. В решительный момент боя метким огнем из пулемета отражает атаку белых, обращает их вспять и, настигая отступающих, берет в плен белогвардейца.

«Вольные штаты Славичи» — бандиты-анархисты на 33 часа захватывают местечко, расстреливают коммунистов, грабят, устраивают еврейский погром и т. д. Их поддерживают классовые враги большевиков — кулаки и лавочники, самогонщик Осип, дьячок.

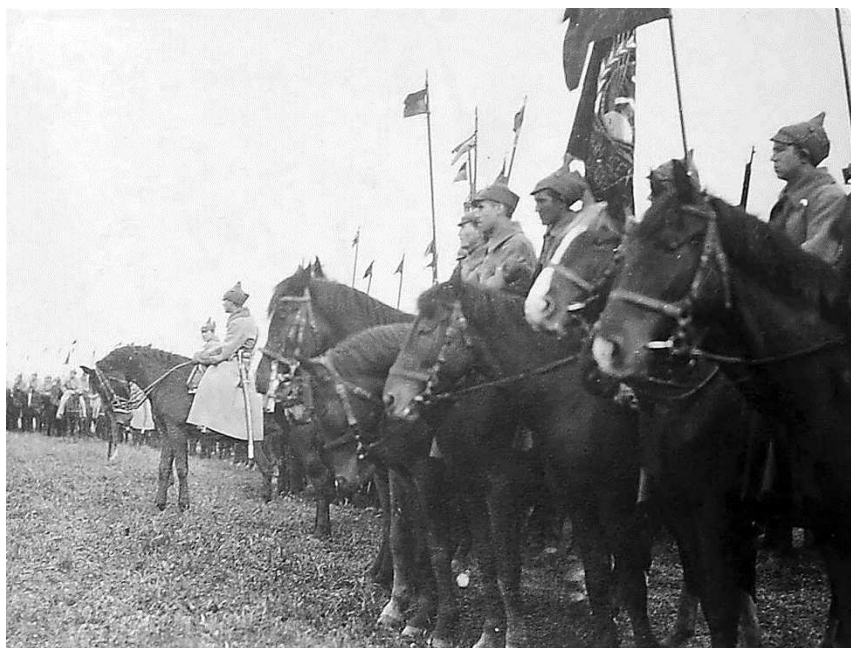
Сборник завершает небольшой рассказ «Полет герр Думкофа». Сказка об «ученом» немце, вознамерившемся понять, как летает муха и совершить таким образом самостоятельный полет.

BIC FA
BISAC FIC000000

© Левин Д., текст, 2023
© Подготовка текста, оформление,
Издатель Иванов В. Ю., 2023
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN 978-5-521-91539-2

ФЕДЬКА

Бойцам и командирам Первой Конной

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Это было давно, в дни гражданской войны.

По берегу большой реки проходил конный отряд.
Впереди отряда ехали командир и комиссар. За ними,

по трое в ряд, бойцы. За бойцами — тачанка с пулеметом, обозные тележки.

Ехали тихо — близко были белые.

Вечерело. Над рекой стоял закат. Издалека, из низин, из степных балок, надвигалась ночь, теплая, звездная летняя ночь.

Пулеметчик Василий Сорокин, — в отряде его звали Сорока, — молодой парень, широколицый, смуглый, сидя на тачанке, сонно мурлыкал, качая головой. Мурлыкал, пел:

*Эй д'над Кубанью, родимой стороной,
Ворон вьется сизый...*

Вода плескалась и билась о берег. Прошумела птица. Фыркнул конь. И опять — закат, тишина.

*Эй да эй, над Кубанью-рекой
Ветерок шел низом.*

Вдруг Сорока поднял голову, прислушался: где-то раздался крик. Кто-то крикнул слабым, тонким голосом: «А-а-а!» Крикнул раз и замолчал. И опять: «А-а-а!»

— Бьют кого-то, — сказал командир.

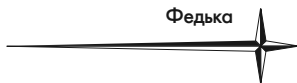
— Не то. — Комиссар попридержал коня, приостановился. — Не то, — сказал он и посмотрел в сторону реки. — Кто-то тонет.

Сорока спрыгнул с тачанки. Подошел к командиру:

— Дозвольте, я поплыву. Погляжу, что там.

— Только ты, Вася, живо, — сказал командир. — Ехать надо.

— Да я враз, товарищ командир, — сказал Сорока. — Долго ли?

Разделся, разбежался и с высокого берега бух вниз. Вынырнул. Поплыл. Куда-то далеко поплыл, только слышно было, как он пыхтит, рассекая воду.

— Как бы его самого-то не затянуло, — сказал комиссар. — Течение тут быстрое.

— Это Васю-то? — сказал командир. — Выплывет!

Верно: выплыл Вася, вернулся. И вернулся не один — в руках он держал что-то, мокрое что-то, скользкое. В сумерках не различить было — что, а похоже было — человек.

— Подсоби, ребята, — сказал он, выбираясь на берег. — Тяжелый стал. Не поднять.

— Что там, Вася? — спросил комиссар.

— Вроде бы паренек. Не понять.

Потом, при свете зажигалки, взгляделись, увидели: действительно — паренек, мальчик лет тринадцати-четырнадцати. Невысокий. Худощавый. Нос — картошкой и задран вверх. Скулы — острые, крепкие. Под левым глазом — свежий шрам. Дрался он с кем, что ли? В воде, должно быть, пробыл долго: весь синий от холода, волосы слиплись, глаза закрыты.

Комиссар наклонился к нему, приложил ухо к груди, послушал: дышит — нет? Нет, не дышит.

— Плохо, — сказал он. — Плохо дело. Ну-ка, Вася, давай — возьмишь!

Приподняли мальчишку. Стали медленно его раскачивать. Туда — назад. Налево — направо. Направо — налево. Туда — назад.

— Плавней, Вася, плавней, — говорил комиссар. — Так, так.

Вдруг мальчишка вздохнул, потянулся, открыл глаза.

— Жив? — обрадовался Сорока.

Мальчишка, не отвечая, широко открытыми глазами смотрел то на Сороку, то на комиссара. Потом заворочался, поморщился, чихнул.

— Стало быть, жив, — сказал Сорока. — А уж я-то думал — не откачать.

— Тебя как звать-то? — спросил комиссар.

Мальчишка что-то буркнул — невнятно и хмуро.

— Как? — сказал комиссар.

— Федька, ну!

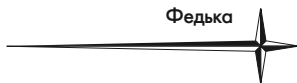
— Ишь ты, — сказал комиссар. — Сердитый.

— Ничего, товарищ комиссар, — сказал Сорока. — На сердитых воду возят.

Заночевали недалеко от реки в старой, полуразрушенной усадьбе. Бойцы покормили коней, сами немного подкрепились и расположились кто где: кто — в доме, кто — в сарае, кто — в саду, благо теплынь, лето.

Сорока уложил мальчишку на тачанку, накрыл, чем мог: и кожанкой, и попоной, и буркой, — старайся, брат, потей! Сам же, вместе со вторым пулеметчиком, Мишкой Дорофеевым, лег прямо на землю, сунув под голову старый полушубок.

Мальчишка спал беспокойно — кидался, метался, скулил, стонал. Должно быть, снились ему нелегкие сны. Один раз он так громко крикнул: «Гришка! Не тронь!

Убью!» что Сорока проснулся. Проснулся, подбежал к мальчишке — и что ж? Тот лежит, закинув голову, стиснув зубы, а по лицу рекой текут слезы.

«Видать, здорово обидели парнишку, — подумал Сорока. — Плачет».

Он уж больше не ложился, Сорока. Сел у тачанки и так, в полудреме, просидел всю ночь.

Утром, чуть засветлело, мальчишку пришел проведать комиссар.

— Ну, как?

— В полной сохранности, товарищ комиссар. — Сорока встал, показал на тачанку. — Спит.

Вдруг откуда-то из-под бурки послышался глухой голос:

— Сними!

— Эге, — сказал комиссар, — жив курилка!

Снял бурку, потом попону, потом кожанку, потом пестрый какой-то украинский ковер. На дне тачанки, по пояс голый, красный, в поту, лежал вчерашний мальчишка.

— Как, Петька? — сказал комиссар. — Живем?

Мальчишка приподнялся. Сел. Исподлобья глянул на комиссара. Негромко сказал:

— Не Петька, а Федька...

Помолчал.

— Федор Трофимыч...

Сорока подмигнул:

— «Кто там?» — «Мы!» — «А много ль вас?» — «Да одна!»

— Погоди, — сказал комиссар. — Погоди, Вася. Не дури.

Взял мальчишку за плечо, повернул к себе:

— Ну, куда тебя, брат? Домой? К батьке?

Мальчишка низко опустил голову.

— Убили батьку...

— Как так?

— Шашкой порубали...

— Кто?

— Известно, кто...

— Белые?

— А то кто?

— Да ты толком! — сказал комиссар. — Белые?

— Белые.

— Давно?

— Вчера, — сказал мальчишка. И вдруг оживился: —

Он, понимаешь, под мостом сидел, ховался. А Гришка-то говорит: «Вот он!»

— Какой Гришка?

— Гришка Скобло. Сосед.

— Чего он?

— Совет у них мельницу взял, а батька председатель был.

— А...

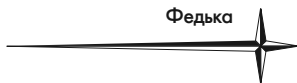
— Они его... — Мальчишка всхлипнул. — Они его шашкой-то как полоснут... А меня — в воду...

— И никого дома не осталось?

— Матка.

— Одна?

— Одна.

— Вот оно что. — Комиссар задумчиво потрогал ус. — Куда бы его, Вася? На кухню, что ли?

— Я так думаю, Матвей Иванович, что при себе оставить, — сказал Сорока. — Ездовым.

— На тачанку? Маловат. Ну, да ладно. Поглядим. Посмотрим. Только вот что, Вася, — обрядить его надо. А то, понимаешь, вида нет.

— Есть! — сказал Сорока. — Есть обрядить, товарищ комиссар!

Когда комиссар ушел, Сорока подсел к Федьке на тачанку, легонько шлепнул его по спине.

— Ты как? Трофимыч?

— Трофимыч.

— Так вот, магарыч с тебя, Трофимыч.

Федька невесело покосился на Сороку.

— Чего это?

— Того это. Ты теперь кто есть? Звание у тебя какое?

— Ну?

— То-то, что «ну». Звание у тебя, — торжественно проговорил Сорока, — боец Первой Конной!

Федька быстро поднял голову.

— Врешь?

Сорока обиделся.

— Отроду не врал, а тут вру! Ну, давай вставай! Айда к каптеру!

Каптер Степанов, боец лет сорока, низенький и плотный, как тумба, сидел в тени под навесом — чай пил, чайничал. В одной руке он держал большую медную кружку, в другой — ломоть хлеба, густо покрытый солью.

— Здорово, Степаныч, — сказал Сорока. — Хлеб да соль.

— Оно бы верней — соль да хлеб. Соли-то больше, — неспеша ответил каптер. — Чего, Вася, пожаловал?

— Такое дело, Степаныч. Приказано птичку эту, — Сорока показал на Федьку, — обрядить. Полную форму выдать.

Каптер недоверчиво смерил Федьку глазом.

— Уж больно птичка эта невеличка. Такой и формы-то нету.

Неторопливо хлебнул из кружки.

— Паренек-то чей? Твой найденыш?

— Точно так.

— Ничего. — Каптер одобрительно кивнул. — Ничего паренек. А только формы для него у меня нету. Не заказана.

Опять хлебнул.

— Лучше б ты его, Вася, домой отправил. Чего ему тут зря топтаться?

— Первое дело — не зря, — сказал Сорока. — Его ко мне в ездовые отрядили. На тачанку. Второе дело... — Нагнулся к каптеру и шопотом: — Не тревожь ты, Степаныч, парнишку. У него вчерашний день беяки отца убили, а ты — топтаться!

— Ну? — Каптер отставил кружку. Испуганно мигнул. — Так насмерть и убили?

— Так и убили.

— Эх-хе-хе! — Каптер от огорчения зачмокал, заохал. Стал чего-то рыться в карманах. — Эх-хе-хе, горе какое!

Достал из кармана карамель. Протянул Федьке.

— На, кушай. Бери, бери.